

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

СТР.4-7

АЛЕКСАНДР
РАПОПОРТ:
ЭТО ВСЁ О НЕМ

ПЛОХОЙ
ПАРЕНЬ
СВОЕГО
ВРЕМЕНИ

СТР.20-21

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№6 (244)
ФЕВРАЛЬ 2025

БУЛЬВАРНЫЕ
НОВОСТИ

ТВОРЧЕСКАЯ ВСТРЕЧА

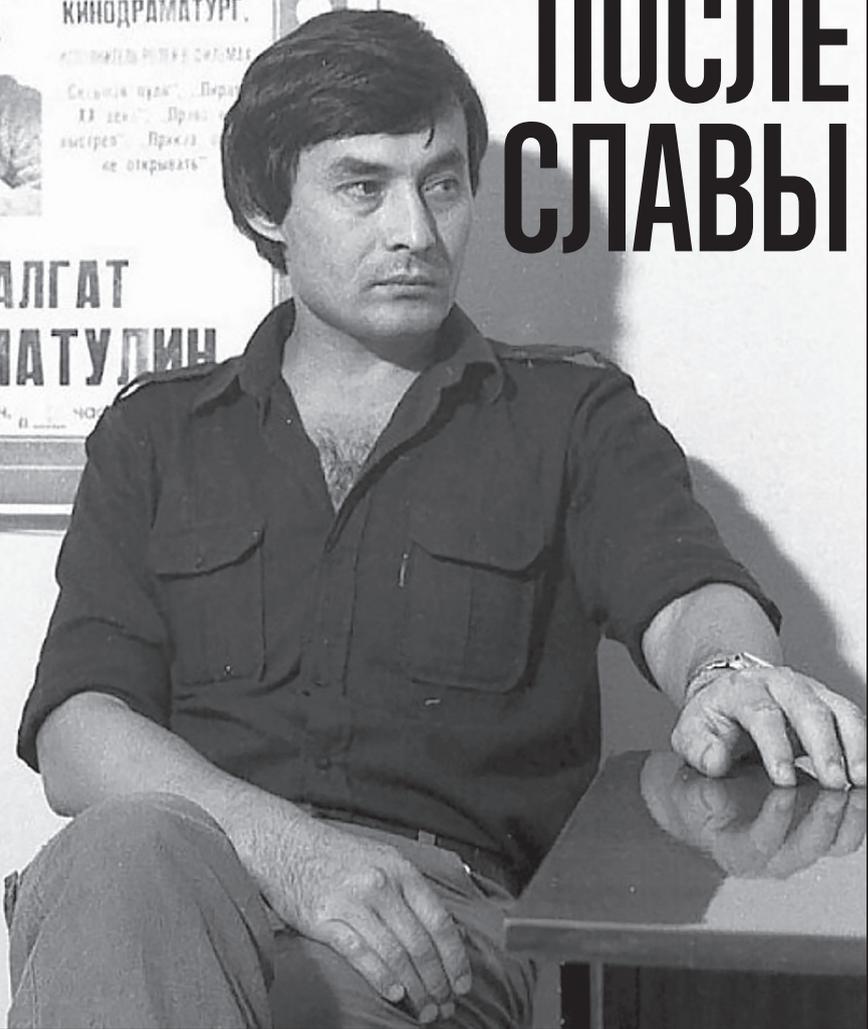
АРТИСТ КИНО,
КИНОДРАМАТУРГ.

«Скандинавская сказка», «Первый
13 декабрь», «Принц
выстрел», «Практика
не открывать»

ТАЛГАТ
НИГМАТУЛИН

НОЧЬ В ЧО...

СМЕРТЬ
ПОСЛЕ
СЛАВЫ

СТР.8-11

БРАТЬ ЖИЗНЬ
НЕ НОТОЙ,
А ОКТАВОЙ

СТР.14-17

Евгения Снеткова-Вечеслова

Родовой герб Вечесловых

БРАТЪ ЖИЗНЬ НЕ НОТОЙ, А ОКТАВОЙ

Геннадий Норд

В июне 1946 года великая Анна Ахматова написала небольшое стихотворение «Надпись на портрете»:

*Дымное исчадь полнолуныя,
Белый мрамор в сумраке аллей,
Роковая девочка, плясунья,
Лучшая из всех камней.
От таких и погибали люди.
За такой Чингиз послал посла,
И такая на кровавом блюде
Голову Крестителя несла.*

Оно было посвящено балерине, солистке Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова Татьяне Вечесловой, которую Анна Ахматова небезосновательно считала лучшей. Эти стихи Ахматова написала под впечатлением от увиденного ею балета «Дон Кихот», в котором Вечеслова танцевала партию Китри. После спектакля, уже ночью, Ахматова позвонила балерине и прочла эти стихи. А затем она своей рукой записала их на куске картона, на который

наклеила фотографию. А на фото была обнаженная по пояс Татьяна Вечеслова.

Сама Вечеслова вспоминала, как эта фотография вообще появилась - тогда всё же нравы были более пури-танские, нежели сейчас:

- Я заставила фотографа поставить свет, аппаратуру, а потом приказала вышвырнуться из гримборной. Он очень сопротивлялся, но я заставила. Лишь потом скинула халатик и встала перед камерой. А на затвор нажала Галя Уланова.

Николай I в детстве. Художник Алоизий Рокштуль, 1869 г.

Поэтому, собственно, и называется это стихотворение «Надпись на портрете».

К сожалению, драгоценную реликвию, хранившуюся в семье сына Вечесловой Андрея, однажды украли.

Но вот попроси сейчас человека, от балета далёкого, бывающего на спектаклях раз в год-полтора, назвать фамилии известных советских танцовщиц, то, скорее всего, список ограничится Майей Плисецкой и Галиной Улановой. Кто-то, быть может, вспомнит Ольгу Лепешинскую. И, пожалуй, всё.

Наверное, это историческая несправедливость, ведь многие современники Татьяны Вечесловой ставили её талант выше, чем даже талант её подруги Улановой.

Впрочем, разумеется, это всё субъективно.

Татьяна Вечеслова родилась 12 (25) февраля 1910 года в Петербурге в семье потомственного дворянина, капитана 145-го пехотного Новочеркасского полка Михаила Вечеслова и корифейки балета Императорского Мариинского театра Евгении Снетковой-Вечесловой.

Для тех, кто далёк от искусства классического балета - корифейками в Мариинке называли балерин, не являющихся солистками, но танцующих впереди кордебалета с небольшими соло или вариациями.

После революции Евгения Петровна преподавала в Петрограде классиче-

ский танец в частных студиях и в Школе русского балета Акимы Волынского. С 1920 по 1951 год работала педагогом младших классов Ленинградского хореографического училища. Её учениками, в частности, были Наталья Дудинская, Константин Сергеев, Габриэла Комлева и другие известные артисты балета.

Дворянский род отца будущей звезды отечественного балета был нетитулованным, но очень древним. Предки Вечесловой владели поместьями в Новгородской земле ещё в пятнадцатом веке. Герб дворянского рода Вечесловых был описан в Гербовнике Анисима Титовича Князева - «Собрание фамильных гербов, означающих отличия благородных родов обширной Российской Империи: частно-снятое с печатей и приведенное в алфавитный порядок»:

«Щит разделён на четыре части, из них в первой и четвёртой частях, в голубом поле, изображено по одному золотому кресту. Во второй и третьей частях в золотом поле находятся два чёрных орла с распростёртыми крыльями, держащие в лапах шпагу. Щит увенчан дворянскими шлемом и короной. Нашлемник: две ветви, крестообразно проходящие сквозь красное сердце. Намёт на щите голубой, подложенный золотом. Щитодержатели: два чёрных орла».

К слову, одна из прапрапрабабушек Татьяны Вечесловой по линии отца - Жане Лайон (Jane Lyon) была дочерью лепного мастера Уильяма Лайона (William Lyon), приглашённого в Россию из Шотландии Екатериной Великой

Татьяна Вечеслова и Галина Уланова.

Т. ВЕЧЕСЛОВА.

Г. УЛАНОВА.

Галина Уланова

(точнее, её придворным зодчим Камероном) для работ в Царском Селе. Жене было тогда тринадцать лет.

А весной 1794 года Жене, ставшая к тому времени Евгенией Васильевной, сопровождала в Варшаву супругу драгунского полковника Чичерина.

В Польше в это время полыхало восстание, войска Тадеуша Костюшко громили русские отряды.

Шестого апреля Чичерина и Лайон были захвачены в плен и помещены под замок в здание арсенала. Присутствия духа Евгения в плену не теряла, хотя отчаяться было из-за чего - как-то прямо у них перед окнами повесили князя Четвертинского, а с ним ещё восемнадцать поляков.

Освободили их лишь в конце октября, когда русские войска под командованием Суворова овладели Варшавой.

О решительности и смелости мисс Лайон было доложено императрице, и та назначила шотландку в штат прислуги недавно родившегося августейшего внука Николая.

Николай очень привязался к своей няне, и когда в 1803 году им пришлось расстаться - будущему императору исполнилось семь лет, и у него должны были появиться новые воспитатели - он очень по этому поводу переживал. Он не забыл её, даже когда вззошёл на престол, и часто навещал - Евгении Васильевне была отведена квартира в Аничковом дворце, где та и жила до самой своей смерти.

Среди предков Татьяны Вечесловой по материнской линии, к слову, тоже было немало примечательных личностей. Так, к примеру, её прабабушка Аделя Снеткова (урождённая Фидлер) учила играть на рояле будущего великого композитора Игоря Стравинского, а бабушка Феодосия Снеткова играла в Александринском театре, где стала первой в столице исполнительницей роли Катерины в пьесе «Гроза» Александра Островского.

В общем, наверное, понятно, что с таким набором генов - от прапрапрабабушки, которую император Николай Первый звал «Моя няня-львица» до музыкальной учительницы Стравинского - Татьяна Вечеслова не могла быть орди-

Дом 4 по улице Гороховой. В нём жила Татьяна Вечеслова

нарной личностью. Танцевать Татьяна начала едва ли не раньше, чем ходить. Позже она вспоминала:

- Я ощущала танец как что-то очаровательное и лёгкое, чему никогда не надо учиться, над чем не надо трудиться. Мне казалось невозможным не попасть в такт музыке - под неё легче было шагать, веселее жить.

В восемь лет она стала ученицей единственной трудовой школы, так теперь назывался бывший Павловский институт

благородных девиц. Здесь артистические способности девочки проявились в полной мере. А через год мать привела её в Петроградское театральное училище, которое сама когда-то окончила.

К удивлению будущей звезды балета, поступить в это училище ей оказалось не так просто:

- Я поступила в училище совсем не так легко и просто, как ожидала. Худенькая, бледная, с остриженной под

машинку головой, так что нельзя было завязать даже банта, выглядела я довольно непривлекательно. Да и ноги мои не вполне соответствовали требованиям приёма.

Члены приёмной комиссии отнеслись к Вечесловой довольно скептически, и помогла лишь настойчивость балетного педагога Марии Фёдоровны Романовой - Татьяну взяли в училище с полугодным испытательным сроком.

А с дочкой Марии Фёдоровны Татьяна Вечеслова потом училась в одном классе и дружила всю свою жизнь. Звали её Галина Уланова. Впрочем, подружались Таня и Галя, когда обеим было по пять лет. И, возможно, именно эта детская дружба и сыграла огромную роль в том, что Вечеслову всё-таки приняли в училище.

Мария Романова была педагогом у Вечесловой, как и у своей дочери Галины, первые пять лет её обучения в хореографическом техникуме - так стала называться балетная часть бывшего театрального училища.

А вторую половину обучения их педагогом была Агриппина Ваганова.

После окончания техникума в 1928 году обе подруги вошли в труппу Ленинградского театра оперы и балета - бывшего Мариинского театра.

Дебютной ролью Вечесловой должна была стать партия Тао Хоа в балете Рейнгольда Глиэра «Красный мак». Но на сцену ей пришлось выйти раньше и совсем в другом спектакле.

В дело, как это часто бывает, вмешался случай - во время репетиции балета «Корсар» у руководителя балетной труппы театра Фёдора Лопухова произошел конфликт с исполнительницей партии Гюльнэры. Разгневанный хореограф отстранил балерину от участия в спектакле и сказал, что играть будет Татьяна Вечеслова. И той, при помощи Вагановой, пришлось всего за два дня освоить очень сложную сольную партию.

И дебют получился успешным:

- Я стояла за кулисами перед выходом на сцену первый раз в своей актёрской жизни.

- Ни пуха, ни пера, - услышала я сразу несколько голосов стоящих рядом со мной товарищей и, не успев ответить традиционным «к чёрту», выскочила на сцену.

Сцена из балета «Бахчисарайский фонтан». Зарема - Татьяна Вечеслова, Мария - Галина Уланова

Сцена из балета «Корсар». Гюльнара - Татьяна Вечеслова, Раб - Вахтанг Чабукиани

Сцена из балета «Эсмеральда». Эсмеральда - Татьяна Вечеслова

Окончание. Начало на с. 15

Неожиданно меня встретили аплодисментами. Зал был огромный, манящий, таинственный. Впереди, за сверкающим краем рамп, за оркестром возвышалось подсвеченное снизу лицо дирижера. Я сделала один шаг, другой. И вдруг услышала музыку - ясно, совсем близко. Она повела меня, и я слушала теперь только её...

Не помню подробностей, как я танцевала. Было это, очевидно, далеко не совершенно. Но всё время на протяжении спектакля я находилась в состоянии приподнятости и творческого запала. Лопухов и Ваганова остались довольны мною. Роль Гюльнара прочно вошла в мой репертуар.

Скоро Татьяна Вечеслова стала примаой театра. Каждый год знаменовался её премьерой.

Уже в следующем, 1929 году, она всё же вышла на сцену в «Красном маке», а в 1931-м у неё исполнилась заветная мечта - она станцевала Эсмеральду. Надо сказать, что много лет Эсмеральду танцевали в Кировском лишь Ольга Спесивцева и Елена Люком. А Вечесловой оставалось лишь мечтать:

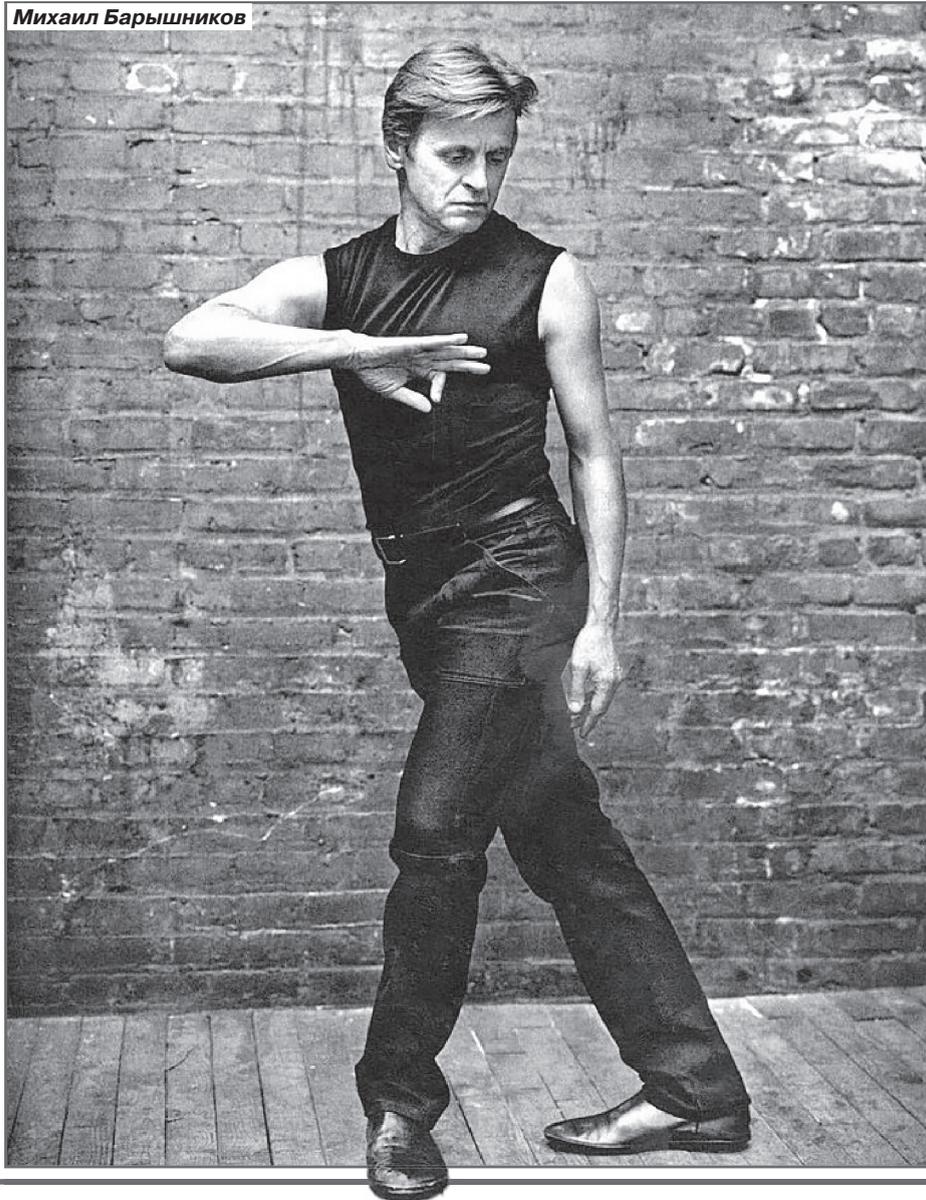
- Я знала все танцы, все дуэты, все сцены Эсмеральды. Я полюбила этот образ, он стал мне близким. Казалось, что я смогу выйти на сцену и отдать зрителю всё, что накопилось в душе и в мыслях, что полюбилось и стало своим.

И однажды Худсовет театра всё же решил дать ей попробовать разучить эту роль - на всякий случай, для подстраховки. Состоялась лишь одна репетиция, и дело снова застопорилось. Но, как обычно бывает на Руси - не было бы счастья, да несчастье помогло.

В конце марта 1931 года в Кировском должен был состояться показ балета «Дон Кихот». Но за день до представления вдруг выяснилось, что не могут танцевать обе исполнительницы

- одна заболела, а её дублёрша уехала на концерт в Москву. Представление должно было состояться, так как спектакль был выкуплен организацией. И тогда управляющая труппой Ольга Ле-

Михаил Барышников

вич вызвала Вечеслову и предложила той выбрать - в каком спектакле балерина сможет танцевать без репетиций - в «Лебедином озере» или «Красном маке»?

Вечеслова ответила, что, конечно, в «Маке».

Но тут выяснилось, что организация, выкупившая все билеты на спектакль, видела уже и «Лебединое», и «Красный мак». И единственное, что их интересует в качестве замены «Дон Кихота» - это «Эсмеральда».

Вечеслова вспоминала:

- Зажав трубку рукой, она сообщила мне об этом, взволнованно спросив:

- Что же делать?

И тут у меня мелькнула смелая, почти безумная мысль, которую я робко высказала ей:

- Я станцую вам завтра Эсмеральду, если вы доверяете мне.

- Но ты же не знаешь спектакля, - возразила мне Ольга Семеновна.

- Нет, я знаю и не подведу вас, - сказала я уже более решительным голосом.

- Я согласна, - шёпотом ответила мне Левич, - сейчас я спрошу.

И объяснив в телефон, что спектакль пойдёт с новой исполнительницей, она назвала мою фамилию. Ей ответили утвердительно.

- Ну, вот, всё в порядке, ты так мечтала об этом. Видишь, судьба за тебя, хотя ты, правда, безумная!

И после единственной репетиции Вечеслова выступила блестяще. Свою «любимую цыганку» - как называла Эсмеральду Татьяна Вечеслова, балерина позже танцевала в разных редакциях. Эсмеральда стала её коронной ролью.

Но были ещё и Зарема в «Бахчисарайском фонтане», а Марию в этом спектакле танцевала Галина Уланова,

Анна Ахматова

и Коралли в «Утраченных иллюзиях», и Паскуала в «Лауренсии», и Одетта в «Лебедином озере», и множество других, замечательно исполненных партий.

На дуэт Вечесловой и Улановой в «Бахчисарайском фонтане», признанный одним из лучших дуэтов в отечественном балете, публика приезжала из других городов.

Театровед Николай Волков писал:

«Вечеслова обладает иной палитрой чувств, чем Уланова. Она умеет не только любить, но и ненавидеть. Вряд ли можно представить себе клинок Заремы в руках Улановой. И как естественно сжимает рукоять кинжала Вечеслова! У неё все краски сгущены, ярки, интенсивны. Это не акварель, а масло».

В 1948 году Ленинградский театр оперы и балета имени Кирова устроил для Вечесловой и Улановой юбилейные торжества по случаю их двадцатилетия творческой деятельности. Уланова к тому времени уже танцевала в Большом театре в Москве, но, разумеется, на юбилей в Ленинград приехала. Балерины сидели на двух тронах, стоявших на сцене и утопавших в цветах. Уланова и Вечеслова опять были вместе.

А через пять лет, 24 июня 1953 года, Татьяна Вечеслова провела свой прощальный спектакль. Она покинула сцену в самом расцвете своих сил, но из балета не ушла. С 1952-го по 1954 год Вечеслова была художественным руководителем своей альма-матер - Ленинградского хореографического училища, пятнадцать лет работала педагогом-репетитором театра оперы и балета - нынешней Мариинки. Среди её учеников Михаил Барышников, Инна Зубковская, Наталья Макарова, Алла Осипенко и множество других великолепных артистов.

У Татьяны Вечесловой всегда было много друзей. В её квартиру сначала на Бородинскую, а потом и на Гороховую приходили Фаина Раневская, Ольга Андровская, Булат Окуджава, Евгений Мравинский и, конечно же, одна из лучших её подруг - Анна Ахматова.

Кстати ведь Вечеслова была не только гениальной танцовщицей, но и прекрасным поэтом. И, да, она, как и Ахматова, ненавидела слово «поэтесса».

*А я уже жила в любимой сказке,
Поверив в мрачные, фальшивые холсты.
О милой, беззащитной замарашке
И день и ночь тревожили мечты.
Но счастье не бывает вечным,
Его никто из смертных не сберёг.
И я, как Золушка, поверила сердечно
В свой найденный хрустальный туфельёк.
И вот, как в сказке: миг... и всё пропало,
Оркестр умолк. Ни света, ни огня.*

Памятник на могиле Татьяны Вечесловой в Комаровском некрополе

Татьяна Вечеслова

*И вместо туфельки, которая сияла,
Осталась я... не Золушка, а... я...*

Как-то уже после войны Вечеслова зашла в гости к Ахматовой и увидела у той на столе книгу. Ахматова протянула её гостье и сказала, что вот - вышла долгожданная. До этого Ахматову не печатали много лет. Вечеслова, которая собиралась поехать в санаторий, попросила у Ахматовой эту книгу, сказав, что лечить-

ся - ужасно скучно и тоскливо. И хотя это был сигнальный экземпляр, и Ахматова очень не хотела с ним расставаться, Вечеслова уговорила её.

Анна Андреевна вздохнула, взяла книжку и, надписав её: «Первый экземпляр этой книги самой Тане. А. Ахматова», отдала Вечесловой.

А спустя несколько дней весь уже отпечатанный тираж был уничтожен - как раз вышло то людоедское постановление Оргбюро ЦК ВКБ (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», в котором Анна Ахматова и Михаил Зощенко назывались «подонками и пошляками».

Сохранился лишь этот, сигнальный, экземпляр, который Ахматова подарила Вечесловой.

Кто-то из знакомых Анны Андреевны потом спросил её:

– Неужели Вечеслова не вернула вам эту уникальную книгу?

На что она спокойно ответила:

– Если бы она это сделала - я оскорбилась бы.

Татьяна Михайловна Вечеслова умерла 11 июля 1991 года. Она была похоронена неподалёку от своей подруги Анны Ахматовой в Комаровском некрополе.

На обратной стороне её могильного камня высечены стихи:

*Мне жизнь дала такое право
Уметь мечтать, уметь творить.
Брать жизнь не нотой, а октавой.
И коль любить... так уж любить*

А на обратной стороне памятника:

*Бокал был общим, но удел
Нам разный под конец достался.
Ты выпить свой бокал успел,
А мой недопитым остался.
Я не допью и не счежу
Вина последних горьких капель.
Зима на подступах. Слежу
По небу бегство белых цапель.*